

ЭМИЛЬ ЧЁРАН

# СЛЕЗЫ И СВЯТЫЕ



ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 27-58  
ББК 86-40  
Ч45

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.  
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена  
каким-либо способом без согласования с издателями.***

*Перевод с румынского, предисловие, приложение,  
исследовательская часть и комментарии к. филос. н. Р. С. Гранин*

**Чёран, Э.**

**Ч45** Слезы и святые. — М.: Тотенбург, 2025. — 300 с.

Книга культового румыно-французского философа Эмиля Чёрана (1911–1995) «Слезы и святые» (1937) — это не трактат о святости и не агиографическое исследование, а предельно личный опыт философской исповеди, написанный на грани эссе, поэзии и духовного монолога. Центральный мотив — слезы, понимаемые как язык мистического переживания: в традиции они были знаком очищения и покаяния, у Чёрана же становятся символом утраченной способности верить и «аристократической формой отчаяния». Для него святые — не носители догм, а «гениальные неудачники», чья жизнь и страдания выражают предельную попытку человека превзойти свою природу и коснуться абсолютного. В диалог с автором вступают великие мистики — Тереза Авильская, Иоанн Креста, Мейстер Экхарт, Екатерина Сиенская и многие другие, — чьи тексты интересуют его не в аспекте истинности веры, а как свидетельства экстаза и «экзистенциального землетрясения». Искусство и музыка — от суровой живописи Сурбарана до «Страстей по Матфею» Баха — становятся для Чёрана аналогами мистического опыта, где звучит голос вечности. Вместо утешения книга предлагает читателю встречу с одиночеством — Бога, святых и самого автора. Чёран оплакивает не только исчезновение веры, но и утрату дара слез как последнего способа общения с трансцендентным. «Слезы и святые» — это философское размышление о пределе человеческой духовности, парадоксальное приглашение в пространство, где вера и скепсис сходятся в общей тоске по Абсолюту.

**УДК 27-58  
ББК 86-40**

© Р. С. Гранин,  
перевод с румынского, предисловие  
приложение, исследовательская часть,  
комментарии

© Издательство «Тотенбург», 2025

# Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ: ИСПОВЕДЬ ПОТЕРПЕВШЕГО НЕУДАЧУ МИСТИКА.....	5
Список использованной литературы .....	27
[ГЛАВА I].....	28
[ГЛАВА II] .....	60
[ГЛАВА III] .....	84
[ГЛАВА IV].....	99
[ГЛАВА V] .....	120
[ГЛАВА VI].....	151
[ГЛАВА VII] .....	177
[ГЛАВА VIII] .....	188
ПРИЛОЖЕНИЕ.	
АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕЗАУРУС	
«СЛЕЗ И СВЯТЫХ».....	223
1. Святая Агнесса Римская .....	223
2. Святая Альдегунда Мобёжская.....	225
3. Анджела из Фолиньо (мистик).....	227
4. Святая Бригитта Шведская.....	229
5. Блаженная Анна Екатерина Эммерих .....	231
6. Святая Екатерина Генуэзская.....	233
7. Святая Екатерина де Риччи .....	235
8. Святая Екатерина Сиенская.....	238
9. Христина Эбнер.....	241
10. Святая Кунигунда.....	243
11. Блаженная Диана д'Андоло.....	245
12. Диодата дельи Адемари.....	247
13. Джалаладдин Руми .....	249
14. Святая Доротея из Монтау .....	251
15. Мейстер Экхарт .....	253
16. Святой Игнатий Лойола.....	255

17. Святой Иоанн Креста .....	257
18. Святая Маргарита Кортонская .....	259
19. Святая Маргарита Мария Алакок .....	261
20. Святая Марианна из Кито.....	264
21. Святая Марфа .....	266
22. Святая Мария Магдалена де Пацци.....	268
23. Святая Мария Магдалина .....	270
24. Святая Мехтильда Магдебургская.....	272
25. Святая Мецци Сидвибрин .....	274
26. Святой Пётр Алькантрийский.....	276
27. Плотин.....	278
28. Арман Жан ле Бутилье де Рансе .....	280
29. Святая Роза Лимская .....	282
30. Блаженный Генрих Сузо.....	284
31. Святая Тереза Авильская.....	286
32. Святая Тереза из Лизьё .....	289
33. Святой Фома Аквинский .....	291
34. Святой Франциск Ассизский .....	294
35. Святой Франциск Сальский .....	296

# Предисловие:

## Исповедь потерпевшего неудачу мистика

«Страсть к Абсолюту в душе скептика подобна ангелу,  
привитому к прокаженному».  
«Жизнь — это непрерывный религиозный кризис,  
поверхностный для верующих  
и сокрушительный для сомневающихся».  
«Пусть Бог помолится за человека,  
в котором не осталось ничего, что могло бы умереть!»  
«Христианство наслаждается видом пятен крови,  
и его мученики превратили мир в кровавую бойню.  
В этой религии пылающих сумерек  
зло побеждает возвышенное».

Через год после публикации «Преображения Румынии», в 1937 году, выходит его книга «Слезы и святые» (рум. *Lacrimi și sfinți*, фр. *Des larmes et des saints*), написанная Чёраном в основном во время его преподавания в Брашове и во время каникул, когда он часами просиживал в библиотеке семинарии Сибиу, перелистывая старые заплесневелые тома житий святых, буквально выискивая своих героев. Примечательно, что почти все они католики, некоторые мусульмане, а не родные православные святые<sup>1</sup>. Текст «Слез и святых»<sup>2</sup> Чёран, в том числе, писал, медитируя на дерево, растущее напротив его окна на вилле его друзей, расположенной на холме. Пишет он этот текст на летних каникулах 1937 года после года преподавания в качестве учителя философии и этики в гимназии Брашова.

---

<sup>1</sup> Zarifopol-Johnston, I. Cioran: The Temptation to Believe // Cioran E.M. Tears and Saints. — Chicago and London: The University of Chicago Press, 1998. — P. VII.

<sup>2</sup> Cioran, E. Lacrimi și sfinți. București: Editura autorului, 1937. — 250 p.

EMIL CIORAN

Lacrimi  
și  
Sfinți



EDITURA AUTORULUI

— 1937 —

*Первое издание «Слез и святых». Ни один издатель не решился издать эту кощунственную книгу, поэтому на титуле указано: «Издано автором»*

«Слезы и святые» — это что-то вроде следствия нервного срыва или религиозного кризиса «Преображения Румынии» — одновременно и свидетельство этого срыва, и его результат, а возможно, и лекарство от него. Наборщик гранок, набрав в типографии этот «блестяще кощунственный» текст, чуть не упал в обморок от прочитанного. Потрясенный, он пошел в редакцию и рассказал

об этом начальству. Они тоже отшатнулись от текста, который показался им не только кощунственным, но и, как это ни парадоксально, более религиозным, чем все, что им доводилось видеть у Чёрана. Они отказались иметь с ним дело. К счастью, они позволили забрать Чёрану готовый типографский набор текста, который он носил в сумке по Бухаресту в поисках издателя. В конце концов, книга была напечатана и распространена, но только после того, как он согласился сам оплатить расходы (деньги дали родители, не зная содержания книги). Когда она появилась, то, как и предполагалось, вызвала скандал. Написанная короткими афористичными фрагментами — их около четырехсот — длиной от одной строки до нескольких страниц, без заголовков глав, перерывов и других делений, она сильно напоминает Ницше как по форме, так и по содержанию, а также «Притчи Ада» Блейка или поэзию Эмили Дикинсон, — поэтов, которых Чёран, судя по его дневникам, хорошо знал. Этот прерывистый, но тонко переплетенный и иконоборческий текст — это философский дискурс о мистицизме. Аура декаданса, сопутствующая антихристианскому, кощунственному тону книги, была почти не слыхана в Румынии<sup>3</sup>.

Эта книга — размышление о святости, но не о святости обычного типа. Святые, о которых идет речь, принадлежат к особому классу святых, в основном мирян и женщин, называемых «мистиками», «духовидцами», «зерцателями» или «алюмбрадами»<sup>4</sup>. Их подход к христианской вере антитеологичен, основан исключительно на интуиции и чувстве. «Церковь была неправа, канонизиро-

---

<sup>3</sup> Ibid. P. XIV.

<sup>4</sup> Алюмбрады — от испанского *alumbrados* — «просвещение», — группа испанских мистиков XVI века, осужденная как еретики испанской инквизицией. Алюмбрады считали, что только благодаря постоянным размышлениям о вечном можно достичь такого состояния, когда тебе откроется Божественная суть. Для этого познания не нужны ни церковь, ни священники, ни Библия. Достигнув «нирваны», они сольются с Богом, и им можно будет делать что угодно. Один из последователей этого учения — Игнатий Лойола — основатель ордена иезуитов.

вав так мало женщин-святых, — пишет Чёран, — мизогиния и скудость заставляют меня быть более щедрым. Любящая женщина, проливающая слезы от любви в одиночестве, — святая»<sup>5</sup>. Церковь так и не поняла, что святые женщины созданы из слез Бога. Многие из приведенных в книге имен — Мейстер Экхарт, Екатерина Сиенская, Тереза Авильская, Иоанн Креста — оставили классические произведения западноевропейской мистической литературы. Чёран объединяет мистиков под общим именем святых, поскольку для него мистики в обычном смысле слова — это аполитичные, пассивные созерцатели божественного, он предпочитает называть тех, кого ищет, «святými». Святые, пишет он, — это прагматичные мужчины и женщины действия. Многие европейские мистики были активными реформаторами, серьезными игроками в европейской политике. Так, например, Екатерина Сиенская способствовала возвращению пап из Авиньона в Рим, убедив папу Григория XI перенести Святой Престол обратно в Италию. Европейский мистицизм — это религиозное движение с политическим подтекстом. Он характеризуется сильным духом реформ, развивавшимся на периферии официальных институтов.

Исторический период мистицизма охватывает несколько столетий и несколько стран Западной Европы, начиная с его зарождения у Бернара Клервоского в XII веке, активного распространения в конце XIII века в Германии и Голландии, а затем в Италии, апогея в Испании XVI века и окончательного заката во Франции XVII века перед началом эпохи Просвещения. Святые — пишет Чёран — сформировали «христианский радикализм», граничащий с ересью, «колеблющийся между экстазом и бунтом»<sup>6</sup>. Амбиции христианского радикализма всегда прослеживаются на

---

<sup>5</sup> Cioran, E. M. *Tears and Saints* / Translated and with an Introduction by Ilinca Zarifopol-Johnston. — Chicago and London: The University of Chicago Press, 1998. — P. 49.

<sup>6</sup> Zarifopol-Johnston I. Cioran: *The Temptation to Believe*. P. XII.



фоне упадка и разложения. Святые при этом осуществляют «извержение Абсолюта в историю»<sup>7</sup>.

Название книги отсылает к традиции римско-католической церкви, называемой «даром слез». Согласно этой традиции, существует три категории святых слез: покаянные слезы (очищающие слезы от страха и сожаления), слезы любви (или благодати) и слезы сострадания, выплаканные в связи со страстями Христовыми. Начиная с Франциска Ассизского в начале XIII века, последний стал преобладающим жанром святых слез. Характерной чертой западноевропейского мистицизма является «движение» к объекту, находящемуся за пределами эмпирического опыта, а также непосредственное и пассивное переживание присутствия Бога. Это «движение» — бегство из «здесь и сейчас» посредством молитвы, медитации и созерцания. Слезы воспринимались как знак благодати, внешнее проявление присутствия Бога в человеческом сердце. Многие описания этого дара настаивают на его невыразимой сладости. Для Чёрана же эти слезы горькие: «В поисках истоков слез я вспомнил о святых. Могут ли они быть источником горького света слез? Кто может сказать? Конечно, слезы — это их след. Слезы пришли в этот мир не через святых, но без них мы никогда бы не узнали, что плачем, потому что тоскуем по утраченному раю. Покажите мне хоть одну слезу, поглощенную землей! Нет, неизвестными нам путями все они устремляются вверх. Боль приходит раньше слез. Но святые их реабилитировали»<sup>8</sup>.

Чёрана привлекают слезы святых, жажда боли и способность ее переносить, то есть патология или, как он выражается, «сладострастие страдания», так как «страдание — единственная биография человека»<sup>9</sup>. За этим страданием, за их удивительной способностью отрекаться

---

<sup>7</sup> Ibid. P. IX.

<sup>8</sup> Cioran, E.M. Tears and Saints. P. 3.

<sup>9</sup> Ibid. P. P. 9.

от всего с помощью аскетических практик Чёран обнаруживает в святых фанатичную волю к власти. Особенностью мистического дискурса писаний святых является изначальное волеизъявление, начальное «хочу», которое одновременно является экстатическим, означающим решение бежать, и аскетическим, означающим решение потерять. Чем хотят обладать и управлять святые? «Их пространство для завоевания — небо, их оружие — страдание», — утверждает Чёран<sup>10</sup>. У «воли к власти» святых нет конкретного объекта. Они хотят владеть бесконечностью («небом») и Богом, то есть хотят отсутствия, ибо, как заметил Бодлер, «Бог — единственное существо, которому, чтобы властвовать, не нужно даже существовать»<sup>11</sup>. Внутреннее пространство святых — сердце или душа — это область, в которой безраздельно властвует воля, обладающая автономией, не зависящей от объекта или обстоятельств. Именно эта фанатичная, но в то же время беспричинная воля к власти, к знанию и любви, или к знанию через любовь, направленная на все и одновременно на ничто, то есть на Бога, исключительно занимает Чёрана. Но если для святых Бог — это осмысленное небытие, то для Чёрана, как и для Ницше, «Бог мертв», а небытие — это пустота смысла. «Пусть Бог молится за человека, в котором не осталось ничего, что могло бы умереть!», — пишет Чёран<sup>12</sup>. Таким образом, книга является критикой этой воли к власти, которая не приносит ничего, кроме пустых и жестоких страданий. Она одновременно и выявляет, и отвергает политические корни святости, вписывая себя в психологическую или эстетическую сферу, ведь святые — это, в конечном счете, «неудавшиеся политики», упорно отрицающие видимый мир.

---

<sup>10</sup> Ibid. P. 45.

<sup>11</sup> Цит. по: Zarifopol-Johnston, I. Searching for Cioran. P. 131.

<sup>12</sup> Cioran, E.M. Tears and Saints. P. 118.

Многие из тем «Слез и святых» — это темы, к которым Чёран будет возвращаться снова и снова в своих поздних, зрелых французских работах: музыка, духовность, страдание, смерть, одиночество, сомнение, отчаяние, декаданс, Бог, небытие. Это не мистический, не объективный, не безличный философский дискурс. Центральной фигурой книги является несостоявшийся мистик Чёран, который не может отбросить временные связи: «Секрет успешного мистицизма — в победе над временем и индивидуацией»<sup>13</sup>, но «Я не могу не слышать предсмертного звона в вечности: в этом моя ссора с мистицизмом»<sup>14</sup>. «Несостоявшийся мистик» — это гротескный персонаж: «Страсть к Абсолюту в душе скептика — это жизнь, которую ангел прививает прокаженному»<sup>15</sup>. Он принадлежит к той же семье экзистенциальных изгоев, вечно блуждающих в ничейной стране, протянувшейся между историей и вечностью. Экзистенциальные сомнения смешиваются с налетом бравады, романтической, люциферианской позой. С одной стороны, «Бог мой, без Тебя я безумен, и с Тобой я сойду с ума!»<sup>16</sup> С другой стороны, «мои сомнения не могут увести меня дальше тени Его сердца»<sup>17</sup>. «Наша роль, — пишет Чёран, — развлекать одинокого Бога: мы бедные клоуны Абсолюта»<sup>18</sup>. Но он отказался играть свою роль в развлекательном спектакле Бога, совершив дерзкий акт отвержения Бога, проистекающий из агонического безумия: «Я, с моим одиночеством, противостоя Богу»<sup>19</sup>.

Рассуждения Чёрана о мистике, в центре которых находится фигура несостоявшегося мистика, представля-

---

<sup>13</sup> Cioran, E.M. Tears and Saints. P. 67.

<sup>14</sup> Ibid. P. 68.

<sup>15</sup> Ibid. P. 92.

<sup>16</sup> Ibid. P. 8.

<sup>17</sup> Ibid. P. 6.

<sup>18</sup> Ibid. P. 52.

<sup>19</sup> Ibid.

ют собой осознанную кошунственную пародию на мистический дискурс. Голос утратившего веру мистика вводит в традиционный жанр житий святых новую перспективу — отчаяние — и тем самым придает мистическому опыту новый акцент, намеренно и извращенно искажая его смыслы: «Когда все прогнило, а кости и вера начинают дребезжать, внезапно вспыхивает свет и поднимает ваш дух. Неужели это фосфоресцирующий свет гнили? Кто может сказать? Никакой ужас не сравнится с этим райским мгновением, в котором вы прощаете Бога и забываете себя»<sup>20</sup>. В мистическом опыте медитация и молитва — важные шаги к Богу, но для Чёрана они прямо противоположны: «О Боге надо думать день и ночь, чтобы измотать его, превратить в клише»<sup>21</sup>. Чаще всего объектом его атаки становится другой ключевой аспект мистицизма: подражание агонистической страсти Богочеловека как единственное средство достижения божественного. Для того чтобы бояться Страшного суда или даже понимать его, не обязательно быть христианином. Христианство лишь эксплуатировало человеческие страдания для получения максимальной прибыли беспринципным божеством, лучшим союзником которого был ужас.

Страдание мистика имеет своей целью искупление, то есть достижение совершенства в божественном. Однако Чёран подходит к страданию не с этической, а с эстетической точки зрения. Трагическое чувство жизни принимает у Чёрана форму ницшеанских нападок на христианство. В этих нападках его голос звучит одновременно яростно и иронично: «Чем более шокирующим является парадокс о Боге, тем лучше он выражает его сущность. Проклятия ближе к Богу, чем теология и философские размышления. Направленные на людей, они вульгарны и не имеют никакого значения. Ругаются на человеческого

---

<sup>20</sup> Ibid. P. 113.

<sup>21</sup> Ibid. P. 61.

Бога, а не на человека. Последний невинен, Бог же — источник ошибок и грехов»<sup>22</sup>. Высшей жестокостью было то, что сделал Иисус: «Оставил в наследство кровавые пятна на кресте»<sup>23</sup>. Кровожадному и жестокому Христу «повезло, что он умер молодым, если бы он дожил до шестидесяти лет, то вместо креста подарил бы нам свои мемуары»<sup>24</sup>. Очарованный насилием и страданием, Чёран, предвосхищая «Слезы Эроса» Жоржа Батая<sup>25</sup> или «Насилие и священное» Рене Жирара<sup>26</sup>, пишет, что «христианство наслаждается видом кровавых пятен, его мученики превратили мир в кровавую бойню. В этой религии пылающих сумерек зло побеждает возвышенное»<sup>27</sup>. Он пишет: «Душа тех, кого преследует Бог, подобна развратной весне, усеянной полусохшими цветами и гнилыми почками, пропахшей дурманящими запахами. Это душа шантажирующих святых и антихристианских христиан, таких как Ницше. Я сожалею, что я не Иуда, чтобы предать Бога и познать раскаяние»<sup>28</sup>.

«Как человек отрекается от себя и встает на путь святости?» — задается вопросом Чёран. В способности святых отречься от мира он обнаруживает их «волю к власти», «святость империалистична»: «Могут ли святые обладать волей к власти? Является ли их мир империалистическим? Ответ — да, но нужно учитывать изменение направления. В то время как мы растрачиваем свою энергию в борьбе за временные выгоды, их великая гордыня заставляет стремиться к абсолютному обладанию. Их пространство для завоевания — небо, их оружие —

---

<sup>22</sup> Ibid. P. 111.

<sup>23</sup> Ibid. P. 39.

<sup>24</sup> Ibid. P. 29.

<sup>25</sup> Батай, Ж. Из «Слез Эроса» // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994. — С. 271 — 308.

<sup>26</sup> Жирар, Р. Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. — 400 с.

<sup>27</sup> Cioran, E.M. Tears and Saints. — P. 62.

<sup>28</sup> Ibid. P. 89.

страдание. Если бы Бог не был пределом их амбиций, они бы соревновались в предельном, и каждый говорил бы от имени еще одной бесконечности. Человек всегда собственник. Даже святые не смогли бы избежать этой посредственности. Их безумие разделило небеса на неравные части, в соответствии с гордыней, которую они проявляют в своих страданиях. Святые перенаправили империализм вертикально и возвысили землю до ее высшего облика — небес»<sup>29</sup>. Чёран — современный агиограф<sup>30</sup>, летописец падений святых между небом и землей, интимный знаток пылких сердец, историк «Божьих бессонниц», «небесный интервент», выведывающий секреты святых. Возникает вопрос, зачем это здоровому молодому человеку середины 1930-х годов? Чёран отвечает, что он «слишком похож на христианина. Это видно по тому, как меня привлекают нищие и пустыnnики, по безумным приступам жалости, которым я часто подвержен. Все это равносильно различным формам отречения»<sup>31</sup>.

В середине 1930-х Чёран — страстный, энергичный молодой человек, уже признанный ярким голосом нового поколения румынских интеллектуалов — часами сидит в библиотеке Сибиу, погруженный в чтение житий святых.

Он мечтает быть не просто наблюдателем, а почти соучастником их падений и взлетов, близким свидетелем их внутреннего горения — «летописцем падений между небом и землей»<sup>32</sup>, агиографом. Возникает закономерный вопрос: что побуждает молодого, жизнерадостного, политически активного человека так глубоко уходить в мир святости?

---

<sup>29</sup> Ibid. P. 45.

<sup>30</sup> Агиограф — автор житий святых (от греч. *hágios* — святой, и *gráphō* — пишу) — церковный писатель, составляющий тексты, прославляющие духовные подвиги, страдания и чудеса святых, часто в возвышенно-почтительном или хвалебном тоне.

<sup>31</sup> Ibid. P. 118.

<sup>32</sup> Zarifopol-Johnston, I. Cioran: The Temptation to Believe // Cioran E.M. Tears and Saints. — Chicago and London: The University of Chicago Press, 1998. — P. VII.

Частично ответить помогает Ницше. Он считал, что самые могущественные личности чувствуют трепет перед святым, потому что догадываются: за маской смирения скрывается огромная воля — воля к власти, но обращенная внутрь. Святость кажется им не слабостью, а особой, потенциально опасной формой силы. Они узнают в святом нечто от себя — но и нечто им враждебное, что нужно понять и, быть может, обезвредить.

Чёран, по сути, подтверждает эту мысль. Уже в первых строках «Слез и святых» он формулирует главный вопрос книги: как человек способен отречься от себя, чтобы стать святым? В святых он видит не только смирение, но и нечто империалистическое, стремление к самоукреплению под видом самоотречения. Он пишет, что его интересует «воля к власти, замаскированная добротой»<sup>33</sup>. Очевидно, что Чёран, живя в эпоху политических крайностей, в религиозной воле узнает те же стремления к господству — но в иной, внутренней форме.

Святые у него — это не просто набожные люди, а экзистенциальные экстремалы и экстремисты, живущие в постоянном пламени, в то время как философы — лишь пассивные наблюдатели. Его отношение к ним двойственно: он восхищается ими, но и страдает от их наследия. Он называет их «наивными страстными»<sup>34</sup> и признается, что любит их именно за это. Но одновременно он ненавидит их — за то, что они возвели страдание в добродетель, оставили людям в наследство культ боли, которую он называет «тщетной и сатанинской». Он спрашивает себя: как можно не ненавидеть Бога, ангелов и святых, если они — источник этой безнадежности?

Таким образом, «Слезы и святые» — это не традиционная книга о святости, а размышление о мистиках,

---

<sup>33</sup> Cioran, E.M. *Tears and Saints*. — Chicago and London: The University of Chicago Press, 1998. — P. 57.

<sup>34</sup> Ibid. P. 20.

людях, переживших абсолютное почти физически. Название книги отсылает к «дару слез»<sup>35</sup> — особому духовному состоянию, когда внутреннее переживание выражается в слезах: слезах покаяния, любви или сострадания к страданиям Христа. Именно последний тип — слезы сострадания — особенно важен для западного мистицизма и занимает центральное место в размышлениях Чёрана.

Мистицизм — это движение души за пределы опыта, к прямому переживанию присутствия Бога. Это — уход от мира, от настоящего, через молитву, медитацию, слезы. И именно эта тайна ухода и одновременно преодоления, страдания и силы, мучает и привлекает Чёрана, делает его наблюдателем, шпионом и одновременно тайным соучастником «его святых».

В основе мистического опыта, который интересует Чёрана, лежит стремление к единению с Богом — через страдание, созерцание и слезы. Мистика в христианской традиции понимается как прямой опыт присутствия Бога, и это переживание часто связано с образом страдающего Христа. Через отождествление с Его страданиями человек искупает свою падшую природу и получает шанс на соединение с божественным. Слезы в таком контексте счи-

---

<sup>35</sup> «Дар слез» — аскетико-мистическое понятие — особое состояние души, когда слезы становятся выражением глубочайшего покаяния, умиления или любви к Богу. Это не просто эмоциональная реакция, а дар свыше, знак очищения и духовного прозрения. Слезы в этом случае — как молитва, как таинство. В традиции отцов Церкви (например, Иоанна Лествичника или Исаака Сирина), «дар слез» считается высшей ступенью духовной жизни («Блажен, кто получил от Бога дар слез...»). В мистическом опыте — слезы не связаны с человеческой скорбью или жалостью к себе, а являются ответом души на присутствие Бога или на осознание своей ничтожности перед Ним. В западной традиции термин встречается, например, у Бернарда Клервоского и Иоанна Креста — как проявление божественного трепета и внутреннего сокрушения. В книге «Слезы и святые» «дар слез» становится предметом иронического, двусмысленного анализа. Он переосмысляет этот христианский мистический символ как амбивалентный дар, колеблющийся между божественным и сатанинским, между утешением и отчаянием. Для Чёрана слезы могут быть признаком благодати, но также знаком экзистенциальной агонии, невозможности веры, падения святого в бездну. Таким образом, «дар слез» — это не только мистическая благодать, но и символ духовного разрыва, боли перед молчащим или отсутствующим Богом.



таются благодатью, знаком божественного прикосновения — они «сладки», как говорят христианские авторы. Но Чёран вносит в это традиционное понимание иронический разрыв: для него слезы не сладки, а горьки. Он спрашивает, не святые ли стали источником этого «горького света слез»<sup>36</sup>?

Святые, к которым он обращается, — это не столько канонизированные фигуры или мученики, сколько мистики, часто миряне и чаще всего женщины, движимые не доктриной, а чувством, внутренним огнем. Среди них — Тереза Авильская, Иоанн Креста, Мейстер Экхарт и Екатерина Сиенская, а также менее известные фигуры. Чёран объединяет их под общим именем «святых», различая при этом: мистики — пассивные, внеполитические созерцатели, тогда как святые для него — это те, кто на деле борется, в том числе против мира, тела и церкви, пусть и неудачно. Он видит в них людей действия, движимых предельной внутренней волей — волей к самоотрицанию и, одновременно, к власти.

Характерная черта европейского мистицизма, на которую обращает внимание Чёран — это его пограничность и антиклерикальность. Мистики часто находились в оппозиции к официальной церкви, считая ее испорченной и неспособной обеспечить духовную поддержку. Их миссия была реформаторской: вернуть церкви душу, вере — подлинность, а людям — внутреннюю интенсивность. Мистицизм развивался на фоне упадка христианского мира и появления секулярного государства и науки, в этот переломный момент, когда старая религиозная структура уже рушилась, а новая еще не возникла.

Тем не менее Чёрана интересует в этих фигурах не их социальная деятельность или реформаторские успехи. Он в них чувствует странную жажду страдания, даже на-

---

<sup>36</sup> Cioran, E.M. Tears and Saints. — P. 3.

слаждение им, которое он называет патологией — и в этой страстной, фанатичной готовности к боли и отказу от мира он видит проявление не чего иного, как воли к власти. Именно в этом он находит трагическую глубину святых: в их страдании, в их добровольной боли — но и в скрытой за этим внутренней гордыне, почти титанической энергии, которая принимает маску кротости.

Мистические тексты святых часто оформлены как разговор с Богом — «диалог», как это называла Тереза Авильская. По сути, это внутренний монолог, в котором утверждается решимость — волевое «я хочу». По наблюдению Мишеля де Серто, именно с этого волевого акта начинается мистический путь: человек сознательно выбирает отказаться от мира, потерять себя, чтобы приблизиться к Богу. Этот «волевой» жест — не просто духовное стремление, но и форма силы, власти. Серто приводит слова Мейстера Экхарта: «С волей я могу всё», «что я хочу — тем я обладаю». Но что же хотят «иметь» святые? Их цель — бесконечность, Бог, то есть нечто, что невозможно ни постичь, ни удержать. Они стремятся к абсолютному — к тому, что, по сути своей, отсутствует<sup>37</sup>. Чёран замечает: «Их поле битвы — небо, их оружие — страдание»<sup>38</sup>.

Для Чёрана воля к власти святых — это не столько стремление к господству над чем-то внешним, сколько глубокая внутренняя жажда — к трансцендентному, к абсолютному. Эта воля — фанатичная и в то же время бесцельная. Она направлена не на завоевание мира, а на его отрицание. Однако Чёран, в отличие от самих мистиков, видит в этом пути не надежду на спасение, а трагическое заблуждение. Если для святых Бог — осмысленная пустота, то для Чёрана (как и для Ницше) — Бог

---

<sup>37</sup> Мишель де Серто (фр. Michel de Certeau; 1925–1986) — французский иезуит, историк мистики, философ и культуролог. Certeau, M., de. *The Mystic Fable: Volume One, The Sixteenth and Seventeenth Centuries* / Translated by Michael B. Smith. Chicago: University of Chicago Press, 1992. — P. 14, 24.

<sup>38</sup> Cioran, E. M. *Tears and Saints*. — P. 45.

мертв, а следовательно, эта пустота больше не может ничего означать. Поэтому книга «Слезы и святые» одновременно восхищает и критикует: Чёран вскрывает политическую подоплеку святости, но отвергает ее как бесплодную, жестокую и эстетизированную форму страдания.

Парадокс в том, что критикуя мистическую волю к власти, Чёран тем самым признает ее политическую природу. Это делает особенно важным исторический контекст появления книги. «Слезы и святые» были написаны почти одновременно с другим сочинением Чёрана — радикальным политическим манифестом «Преображение Румынии»<sup>39</sup>. Оба текста — два полюса одной драмы: один философски разбирает религиозную страсть как экзистенциальную, другой выражает эту страсть в политической форме. «Слезы и святые» Чёран издал за свой счет, после того как издатель отказался выпускать книгу, потрясенный ее содержанием. Автору даже пришлось тайно вынести корректурные листы из типографии и искать новый способ издать текст.

Когда книга все же увидела свет, она вызвала скандал. Написанная в афористической форме, перекликающейся с Ницше, она сочетала философскую и культурную ересь с религиозным языком. В ней — болезненная смесь религиозности и декаданса. Но, как заметил Серто, чтобы по-настоящему кошунствовать, нужно сначала быть верующим<sup>40</sup>. И в этом смысле Чёран — не просто критик христианства, он — внутренний ренегат. Сын православного священника, он с юности был окружен богословскими спорами, и его интерес к религии был личным, почти одержимым. По воспоминаниям младшего брата, Чёран часами спорил с отцом и семинаристами о тонко-

---

<sup>39</sup> Смотреть наш перевод: Чёран, Э. Преображение Румынии / Перевод с румынского и французского — Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2024. — 352 с.

<sup>40</sup> Certeau, M., de. The Mystic Fable: Volume One, The Sixteenth and Seventeenth Centuries. — P. 170.

стях теологии — за бутылкой вина и под аккомпанемент музыки, которая, наряду с религией, была его страстью.

«Слезы и святые» — не просто философское эссе, это личный экзорцизм. Сквозь тему страдания и духовного отречения в книге проступают глубокие внутренние конфликты Чёрана, его борьба с верой, его сомнение, его стремление к Абсолюту и отказ от него. Она отражает культурный и философский фон Румынии 20–30-х годов, когда тема «духовности» была в центре внимания. Румынская интеллектуальная сцена тех лет остро интересовалась вопросами веры, нового поколения и новой этики. «Слезы и святые» вписываются в эту атмосферу, одновременно продолжая ее и разрушая изнутри.

Ницше утверждал, что святые интересуют не обычных людей, а только «величайших». Интеллектуалы поколения Чёрана ощущали себя именно такими людьми. Они входили в элитную группу, стремившуюся возродить Румынию и представлявшую новую «революционную духовность». Эта духовность противопоставлялась как традиционному православию, с которым был связан философ Нае Ионеску, так и более умеренным культурным формам духовности, представленным такими фигурами, как Комарнеску и Нойка. Один из представителей поколения, Мирча Вулканеску, утверждал, что новое поколение восприняло «агоническую духовность» — напряженную и трагическую, стремящуюся к преодолению сомнения через появление нового типа человека.

Это поколение симпатизировало ультраправому движению Легионеров, или Железной гвардии, которое сочетало популизм с мистицизмом и стремилось преобразить страну на основе православных ценностей, аскезы и жертвы. Молодежь видела в нем путь к «христианской революции» и созданию христианского государства. На фоне кризиса, упадка и тревоги за будущее они воспринимали себя как своего рода «современных святых»,

мечтающих о трансформации — пусть и через радикальные политические средства.

В этом можно усмотреть параллель с европейским мистицизмом Средневековья, который тоже возник в условиях политического и духовного кризиса. Как писал Серто, мистики появляются в периоды, когда старые системы власти (или религии) становятся непонятны и умирают — тогда мистика пытается занять их место. Серто подчеркивает, что мистика не исчезла в XVII веке, а просто ушла в тень, возвращаясь в эпохи нестабильности, когда уверенность и рациональность рушатся<sup>41</sup>.

Таким образом, «Слезы и святые» нужно понимать на фоне румынского и европейского контекста 1930-х годов — это книга, которая отражает дух эпохи: сочетание мистического пафоса и разочарования, утопизма и иронии. Она критически относится к мистицизму, но и не свободна от его соблазна.

В этом контексте Чёран пишет «Слезы и святые» — книгу о мистицизме, полную страсти, но также и скепсиса, иронии, даже хулы. Она была воспринята в Румынии как скандал. Понять ее можно только на фоне другой его работы того же года — «Преображение Румынии», в которой мистическая риторика переносится в область политики. Там Чёран провозглашает: Румыния может выйти из своего исторического ничтожества, только если воспылает фанатичной волей к спасению, сравнимой со святостью. Он призывает отказаться от трезвой рефлексии в пользу ослепленного видения, подобного религиозному экстазу. Он оправдывает насилие, террор, жестокость как необходимые этапы на пути к историческому величию — подобно Макиавелли, которого вольно интерпретирует через Ницше.

Здесь мы имеем дело с парадоксом: две книги, написанные одновременно, с одной стороны — мистическая

---

<sup>41</sup> Certeau, M., de. *The Mystic Fable: Volume One, The Sixteenth and Seventeenth Centuries.* — P. 153.

философия, скептическая и полемическая («Слезы и святые»), с другой — политическая утопия, насквозь мистифицированная («Преображение Румынии»). Первая — исследование и критика мистицизма, вторая — его наивная реализация. Таким образом, в «Слезах и святых» Чёран как бы спорит сам с собой, подрывая свою же утопию.

Именно в этой книге впервые появляются мотивы, к которым он будет возвращаться позже: страдание, смерть, одиночество, Бог и ничто. «Слезы и святые» — не просто философский трактат и не мистический текст, а гибрид, наподобие Ницше. Лиричный, образный, субъективный, но при этом глубоко эрудированный. В нем постоянно борются два импульса: страсть верить — и страсть отвергать, скепсис. Главный герой книги — «несостоявшийся мистик», человек, не способный полностью раствориться во «вневременном», не способный отрешиться от индивидуальности и времени. Он ближе к трагическим фигурам Унамуно, Достоевского, Жене — блуждающий изгнанник между историей и вечностью.

«Слезы и святые» — это философская автобиография Чёрана на переломе: попытка постичь и превзойти мистицизм, но и разоблачение его наивного политического использования — прежде всего собственного.

В образе «потерпевшего неудачу мистика» Чёран рисует фигуру, для которой невозможны ни вера, ни искупление. Если для подлинных мистиков высшим экстазом является уединение с Богом — как у святого Иоанна Креста, — то для Чёрана это уединение превращается в трагическое изгнание: он ощущает себя не в доме Божьем, а в изгнании внутри самого Бога. Его попытка верить, его стремление к мистическому опыту постоянно подрываются сомнением и отчаянием. Бог у него — не объект любви, а «универсально отсутствующий»; это ироничный отголосок ницшеанского «Бог умер». Он осуждает мистиков

за наивность: они не задумывались, что приходит после Бога — и это делает их в его глазах непростительными.

Отчаяние Чёран выливается в богохульную дерзость: «Без тебя я схожу с ума, но с тобой — тоже»<sup>42</sup>, — говорит он Богу. Он отказывается принимать роль, отведенную человеку в божественном замысле, заявляя: «Я — против Бога, со своим одиночеством». Его текст превращается в осознанную пародию мистицизма, в «неверующий» мистический дискурс, где отчаяние и скепсис придают мистическому опыту новый — мрачный, искаженный — смысл.

Он издевается над райскими обещаниями (называет рай «кладбищем счастья»<sup>43</sup>), над молитвой и медитацией (считает, что «человек должен думать о Боге день и ночь, чтобы измотать его, превратить в клише»<sup>44</sup>) и особенно — над культом страдания. Для мистиков страдание — путь к Богу, к очищению; для Чёрана это эстетическая поза, страсть к боли ради самой боли, лишенная надежды на искупление. Он отрицает смысл страдания, считая его бессмысленным остатком трагического человеческого существования: Бог, если он есть, — просто еще одно «ничто».

Его критика христианства звучит в духе Ницше: он называет Христа жестоким, осуждает его наследие, как будто иронизируя над всей историей страстей. Он фантазирует: если бы Христос дожил до старости, он бы написал мемуары, а не пошел на крест<sup>45</sup>. В этом узнается чёрановский сарказм, и одновременно — отчаянная борьба с верой, которую он не может ни принять, ни отвергнуть окончательно.

Именно в таком контексте его раннее политическое сочинение — «Преображение Румынии» — кажется не реалистическим проектом, а болезненной утопией,

---

<sup>42</sup> Cioran, E. M. Tears and Saints. — P. 8.

<sup>43</sup> Ibid. P. 15.

<sup>44</sup> Ibid. P. 61.

<sup>45</sup> Ibid. P. 29.

попыткой компенсировать духовную растерянность и внутреннюю разобщенность. Чёран был не столько убежденным идеологом, сколько одержимым и мучимым человеком, которому и в мистике, и в политике мерещилось спасение — но он не мог ни в то, ни в другое понастоящему поверить. Потому «Слезы и святые» — это своего рода философское разоблачение самого себя, написанное одновременно с политической книгой и подрывающее ее изнутри. Эти два текста отражают внутреннюю раздвоенность Чёрана — между надеждой и безнадежностью, верой и сомнением, волей к спасению и жадой исчезновения.

Он чувствует себя истощенным, «испорченным источником», среди засохших цветов и гниющих побегов. Он хотел бы быть Иудой, лишь бы испытать подлинное раскаяние. И в конечном итоге — не в силах больше жить ни в Бухаресте, ни в собственной идентичности — он бежит во Францию и переходит на французский язык. Это бегство, или «самоизгнание», становится последним возможным актом для человека, раздавленного между двумя абсолютами, в которые он не мог поверить.

В 1937 году, за несколько месяцев до выхода книги «Слезы и святые», Чёран окончательно покидает Румынию, за исключением нескольких дней в конце 1939 года и короткой поездки с ноября 1940 по февраль 1941 года.

В заключение еще отдельно отметим особую любовь Чёрана к точной терминологии (к точности вообще), именно по этой причине он так часто обращается к языку религии, музыки и медицины. Делает он это как из вкуса к эффектной метафоре, так и ради точной «пристрелки» смыслов: это три дисциплины с жесткими внутренними правилами, где слово не мягкое украшение, а инструмент. Он заимствует их словари, чтобы придать своим экстатическим интуициям измеримость.



Религиозный лексикон дает масштаб и вертикаль. Понятия вроде «Страшного суда», «рая», «Абсолюта», «греха», «раскаяния» несут столетиями отточенную семантику последнего, предельного. Когда он пишет: «Всё — суета... по сравнению с Последним Судом», — он не просто гиперболизирует, а калибрует опыт «конца» через догматическую категорию финальности. «Церковь — гробница ужаса» — формула, в которой богословская топика (церковь как место спасения) предельно точно переворачивается: спасение заменено консервированием страха. Его «онтология слез» тоже отлита в литургических терминах: слезы — как дар, как «язык» покаяния, но у Чёрана они становятся «аристократической формой отчаяния» — диагнозом метафизической трещины. Даже когда он спорит с религией, он говорит ее языком, потому что только он фиксирует «край» человеческого опыта без расплывчатости.

Музыкальная терминология дает временную структуру и динамику. Музыка — это дисциплина формы во времени; отсюда «каденции сердца», «анданте слез», «тональности аффекта». «Каденция» — не просто красивое слово: это точка завершения, ощутимая пауза, место падения; именно таким словом можно описать переход от физиологии к метафизике: «сердце отмечает время». Его сопоставления Бетховена и Брамса — пример точной акустической типологии отчаяния: «энергичное отчаяние Бетховена» с «имманентным героизмом» против «меньшей гордости» и «благоговейной реверии» Брамса. Это не вкусовая рецензия, а привязка двух типов экзистенциального переживания к разным музыкальным режимам: марш — как мобилизация к видимости, лирическая камера — как сдача себя созерцанию. Музыкальные термины позволяют Чёрану отмерять интенсивности (*crescendo*/*decrescendo* без названия) и ритмы внутреннего времени — того, что он называет «агонией времени».

Медицинский язык вводит клиническую точность телесности и страдания. «Агония времени», «опьянен Богом», «черное пламя сердца (раскаяния)», «зараженные почки» (*tuguri infectaŋi*), «психический белый» — это не свободные ассоциации, а квазидиагностические метки. Он описывает скуку как состояние с «последними последствиями», доводимое до «финальной экзальтации»; тоску — как «экзистенциальную лихорадку»; тишину — как симптом предтворения. Медицинская терминология заставляет метафизику отвечать телом: у Чёрана любое «ничто» имеет пульс, у вечности — аритмия, у надежды — патология («весна пороков», «цветение упадка»). Такая клиника духа дисциплинирует пафос: вместо расплывчатого «мне плохо» — картография симптомов.

Показательно, как три словаря сходятся в одном узле. «Каденции сердца изгнали нас из рая: мы поняли их смысл — и пали в Познание»: музыкальная «каденция» фиксирует временную драму, религиозный «рай» задает вертикаль утраченного, медицинская «физиология сердца» переводит метафизику в осязаемый ритм. Или: «кресты соединяются на кладбище... оскорбляя тишину смерти»: религиозный топос (кладбище), акустика (тишина как «голос»), «биология» жизни, протестующей сексуальностью. А в формуле «Единственный аргумент против бессмертия — скука» слышится и схоластическая логика (аргумент), и психопатология (хроническое состояние), и литургическая тень (бессмертие как догмат) — все сведено к ясной, холодной тезе.

Именно поэтому его образность кажется строгой, хотя она дерзка: он не украшает мысль, а «инструментирует» ее. Религиозный язык отвечает за высоты и концы, музыкальный — за ритмы и интенсивности, медицинский — за симптомы и дозы. В сумме они дают то, что Чёран ценит больше всего: неумолимую точность формулировки при максимальной температуре чувств.

## Список использованной литературы

1. Батай, Ж. Из «Слез Эроса» // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994. — С. 271 — 308.

2. Жирар, Р. Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. — 400 с.

3. Чёран, Э. Преображение Румынии / Перевод с румынского и французского — Р.С. Гранин. — М.: Тольбург, 2024. — 352 с.

4. Certeau, M., de. The Mystic Fable: Volume One, The Sixteenth and Seventeenth Centuries / Translated by Michael B. Smith. Chicago: University of Chicago Press, 1992. — 384 p.

5. Cioran, E. Lacrimi și sfinți. București: Editura autorului, 1937. — 250 p.

6. Cioran, E. Lacrimi și sfinți. București: Humanitas, 1991. — 191 p.

7. Cioran, E. M. Tears and Saints / Translated and with an Introduction by Ilinca Zarifopol-Johnston. — Chicago and London: The University of Chicago Press, 1998. — 230 p.

8. Zarifopol-Johnston, I. Cioran: The Temptation to Believe // Cioran E.M. Tears and Saints. — Chicago and London: The University of Chicago Press, 1998. — P. V–XXVI.